

Опубликовано: Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2017. Т.19. №4 (169). С.147–160.

Т.Н. Красавченко

ОТ МИФА К РЕАЛЬНОСТИ: БРИТАНСКАЯ СТАЛИНИАНА ОТ ШОУ И УЭЛЛСА ДО САЙМОНА СЕБАГА МОНТЕФИОРЕ

В этой интердисциплинарной статье исследуется литературная и историографическая традиция восприятия в Великобритании личности И. В. Сталина – с начала 1930-х годов по настоящее время. Основная траектория этой традиции – движение от мифа, импрессионизма, иллюзий у Бернарда Шоу и Герберта Уэллса к откровениям журналистов Гарета Джонса и Малкольма Маггериджа, к прозорливому, художественно впечатляющему творчеству Артура Кёстлера и Джорджа Оруэлла и далее – к современным историкам и писателям – Роберту Конквесту, Мартину Эмису, Дональду Рейфилду, Орландо Файджесу и Саймону Себагу Монтефиоре, которые, основываясь на архивных документах, исследуют феномен личности Сталина со своих культурно-цивилизационных позиций. Они создают порой амбивалентный образ Сталина как человека, но в целом негативно оценивают его роль в истории России и видят в нем политика-неудачника, губившего свой народ. Был ли Сталин великим человеком? Британский философ Исайя Берлин считал, что великий человек не добр и не зол, важно, что он меняет ход событий – историю, а Сталин изменил историю России, поэтому он – великий человек. Но ход истории изменили и Гитлер, и менее масштабная личность – Гаврило Принцип, инициировавший Первую мировую войну, но были ли они великими? В контексте русской культуры и истории в понятии «великий человек» содержится позитивное этическое качество, а «гений и злодейство – две вещи несовместные».

К л ю ч е в ы е с л о в а: британская сталиниана, миф, демифологизация, культурно-цивилизационный подход, политик-неудачник, великий человек

FROM MYTH TO REALITY: TRADITION OF STALIN'S PERCEPTION IN GREAT BRITAIN FROM SHAW AND WELLS TO SIMON SEBAG MONTEFIORE

The subject of this interdisciplinary article is a literary and historiographic tradition of Stalin's perception in Great Britain since early 1930-s up to our time. The trajectory of this tradition is seen as a movement from myth, impressions, illusions of Bernard Shaw and Herbert Wells, to the revelations of Gareth Jones and Malcolm Muggeridge, to sagacious and artistically impressive works of Arthur Koestler and George Orwell, to contemporary historians and writers Robert Conquest, Martin Amis, Donald Rayfield, Orlando Figes and Simon Sebag Montefiore, the majority of whom base their works on archival research and make it at their cultural-civilizational angle. Sometimes they create an ambivalent image of Stalin but in general they appreciate his role in Russian history negatively and see him as a politician-failure, who ruined his people. Was Stalin a great man? According to a British philosopher Isaiah Berlin it doesn't matter if a great man is kind or wicked, what matters is that he changed the course of events, and Stalin changed the history of Russia, so he is a great man. But the course of history was changed by Hitler, by Gavrilo Princip, who initiated the First World War, but were they great? The notion of a great man in Russian cultural context has a positive ethical meaning, and "genius and evil deeds are things incompatible" (A. Pushkin)

К е у w o r d s: British Stalin studies, myth, cultural-civilizational approach, politician-failure, great man

Советская Россия с 1917 г. стала «пространством», на которое проецировались мечты «левых» британцев. Сначала на первом плане для них были Октябрьская революция и Ленин, с конца 20-х–начала 30-х годов фигурой номер один стал Сталин. В этот период характерен взгляд на него Бернарда Шоу и Герберта Уэллса.

Шоу, поначалу фабианец, сторонник перехода к социализму путем выборов, позднее разочаровался в парламентской демократии, неспособной преодолеть социальное неравенство, войны, а тут еще в 1929 г. – Великая депрессия с многомиллионной безработицей. Вывод

Шоу – «проблемы решают» диктаторы: в Италии – Муссолини, в Германии – Гитлер, и путь к утопии лежит через диктатуру. В июле 1931 г. он провел одиннадцать дней в СССР, вечером 29 июля встретился со Сталиным. Тот показался ему обаятельным добродушным грузинским джентльменом. Запланированное двадцатиминутное интервью растянулось до двух с половиной часов. Восхищенный «великим коммунистическим экспериментом», видя в нем спасение от «коллапса и распада» цивилизации, Шоу вернулся домой поклонником Сталина – «практичного государственного деятеля» [Stalin – Wells Talk, p. 26]. Главный принцип Шоу – практичность власти: «Я сужу о Муссолини, Кемале, Пилсудском, Гитлере [...] по их способности обеспечить товары, а не по представлениям о свободе. Сталин обеспечил товары в степени, невозможной еще десять лет назад; и я снимаю шляпу перед ним» [Ibid, p.47]. В 1933 г. в разгар голодомора в СССР Шоу и другие в открытом письме в редакцию газеты «Манчестер Гардиан» утверждали: в СССР нет экономического рабства, лишений, голода, безработицы [Shaw 1933]. Потрясший всех «пакт Молотова-Риббентропа» Шоу расценил как триумф Сталина [Geduld, p. 15–16]. По мнению Стэнли Вайнтрауба, американского издателя записных книжек Шоу, автора книги «Неожиданный Шоу» (1982), писатель знал, что видит диктатора и фантастическую театральную постановку коммунизма, но не хотел признать, что за красным занавесом скрывались аресты, казни, голод, насильственные трудовые лагеря, цензура, общая, кроме большевистской элиты, бедность [Weintraub]. Как многие левые на Западе, он верил в то, во что хотел верить, тем более, в СССР был принят как «королевская особа», о чем сказал послу СССР в

Великобритании И.М. Майскому [Майский, с. 27], хотя понимал – не все так просто, ибо тут же заметил: «Ваша революция – трагедия, комедия, мелодрама все вместе, поставленные на гигантской сцене» [Там же, с.28]. Летом 1948 г. (ему было 92) он уверял лондонскую приятельницу Элеонор О’Коннелл: «Единственная страна подлинной свободы – это Россия. Величайший из ныне живущих – Сталин...», а та иронизировала: живи Шоу в России, был бы давно расстрелян [Weintraub]. Но его вера в «сталинский миф» была непоколебима.

* * *

А 23 июля 1934 г. со Сталиным встретился в Москве Уэллс. Их беседу опубликовал 27 октября британский «левый» еженедельник – «New Statesman and Nation», где против Уэллса выступил Шоу, в его защиту – британский экономист Джон Мейнард Кейнс. По материалам дискуссии вышла брошюра «Беседа Сталина с Уэллсом» [Stalin – Wells Talk].

Социалист «своего образца», одержимый идеей мирового государства, Уэллс после обсуждения с американским президентом Рузвельтом его «Нового курса» – экономической политики (с 1933 г.), направленной на преодоление Великой депрессии, усмотрел в советском пятилетнем плане симптомы глобальной плановой экономики как основы интернационализма. И предложил Сталину найти общий язык с Рузвельтом [Ibid, p. 4]. Но для Сталина реформы Рузвельта были лишь мерами по спасению капитализма. Уэллс пытался объяснить, что классовая борьба, диктатура пролетариата устарели и отталкивают от социализма ученых, инженеров – авангард прогресса [Ibid, p. 26]. А Сталин видел в технической интеллигенции лишь подспорье пролетариата. На вопрос о свободе слова в СССР Сталин,

словно не понял, и ответил, что «самокритика» в России широко распространена [Ibid, p.18]. Кейнс сравнил его с «граммофоном»: Уэллс напрасно старался «снять пластинку и поговорить по-человечески» [Ibid., p. 30]. В книге «Опыт биографии» (1934) Уэллс заметил, что «Сталин, взращенный на доктринах Ленина и Маркса, почти так же ограничен, как вышколенные сотрудники британской дипломатии. [...] Иногда мне удавалось поколебать его, но ощутив зыбкую почву, он прибегал к проверенной фразе и ортодоксальным взглядам». Тем не менее, по словам Уэллса, он «не встречал человека более значительного; именно это, а не что-то таинственное, зловещее, объясняет его огромную власть в России». А в конце Уэллс высказался противоречиво: «...под руководством Сталина Россия не только подверглась тирании и пришла в упадок, он все-таки управляет ею, и она делает успехи» [Wells 1934, p. 685–690]. Так что же все-таки – «тирания и упадок» или «успехи»?

В британской прессе Уэллса критиковали за почтительность в разговоре со Сталиным. А Шоу показалось, что для Уэллса Сталин – личность «второго сорта» и ему надо извиниться [Stalin – Wells Talk, p. 40]. Уэллс назвал его «совершенно глухим» [Ibid, p. 37], хотя, по мнению редактора журнала «Нью Стейтсмен» Кингсли Мартина: «... для Шоу эти комические скандалы были занятной игрой ума» [Martin, p. 87]. Конечно, Шоу, ирландец, бунтовщик против всего английского, склонный к эпатажу, эксцентриаде, был «игровым» человеком, но в его отношении к Сталину проявилось свойственное ему преклонение перед сильными личностями.

Дискуссия обнажила разногласицу и конфликты в среде британских «левых». Социалисты-фабианцы Сидни и Беатрис Веббы

опубликовали книгу «Советский коммунизм: новая цивилизация?» (1935) – в последующих изданиях вопросительный знак исчез. А вот журналист из Уэльса Гарет Джонс (1905–1935) писал о Сталине «как о самом ненавистном человеке в России» [Jones, p.12] и в пресс-релизе 29 марта 1933 г., перепечатанном во многих британских и американских газетах, предал гласности факты о голодоморе на Кубани, нижней Волге, в Украине. О том же писал в «Манчестер Гардиан» в 1933–1934 гг. и ее корреспондент в Москве – журналист и писатель Малкольм Маггеридж (1903–1990), в романе «Зима в Москве» (1934) сатирически представивший «советскую утопию» и жизнь западных журналистов в столице [Muggeridge]. Налицо были две позиции: приятие и неприятие сталинского режима. Уэллса из-за его двойственности критиковали обе стороны.

* * *

Следующий важный шаг к пониманию личности Сталина и механизма его власти сделали писатели Артур Кёстлер и Джордж Оруэлл.

Кёстлер жил в Англии с 1940 г.; в 1931 г. он вступил в компартию Германии, год – с середины 1932 до середины 1933 г. провел в СССР. В 1938 г. во время «большого террора» в СССР вышел из компартии, в сентябре 1938 – апреле 1940 г. написал роман «Слепящая тьма». В 1941 г. его издали в Великобритании и Кёстлер стал знаменит.

В романе он избегал реалий: вместо СССР – «Страна Победившей Революции», вместо Сталина – «Первый», вместо Ленина – «Старик с татарским прищуром», вместо нацизма – «Диктатура», вместо коммунизма – «Движение». Критика много писала об этом

романе, созданном по следам судебных процессов 1936, 1937, 1938 гг. в Москве; в центре внимания был Николай Рубашов, «идеалист и циник», жертва и палач, – «художественная контаминация» персонажей «московских процессов» – Бухарина, Раковского, Мрачковского и др.; в тюрьме он осознал, что верность Идее, Партии обернулась предательством, гибелью встреченных им «маленьких людей», не говоря уж о врагах, ликвидированных в Гражданской войне, и крестьянах, принесенных в жертву Движению. Но критики не обратили внимания на важные детали, воссоздающие атмосферу жизни в «Стране Победившей Революции», на образ «Первого», чей портрет «висел над каждой кроватью во всех городах и деревнях страны, прицеливаясь в людей неподвижным взглядом» [Кёстлер, с. 44]. Проработав много лет за рубежом, Рубашов, вернувшись, видит перемены: Старика с татарским прищуром «нарекли Богом-Отцом, чтобы объявить Первого Сыном» [там же, с. 87], так он определяет квазирелигиозную природу большевизма. В облике Первого, верящего в «свою непогрешимость яростно, фанатично, неудержимо и слепо» [там же, с. 131], примечательна «усмешливая, *сатанински*-мудрая ирония» в глазах [там же, с. 88] (курсив мой – Т.К.). Рубашов испытывает к Первому и этическое, и эстетическое отвращение. При воспоминании о встрече с ним, евшим свой холодный полдник, у Рубашова «лицо искривилось невольной гримасой отвращения» [там же, с. 226] – за «холодным полдником» крылся холодный, лишенный тепла образ жизни.

В романе показана трагедия народа и страны, где правят Первый и большевики, которые «сознательно обрекли на голодную смерть около пяти миллионов крестьян, – и это только за один год, когда

обобществлялись крестьянские хозяйства [...], заслали в глухоманные восточные леса и на страшные рудники арктического севера около десяти миллионов человек» [там же, с. 187]. «Мы гоним, – говорит Рубашов следователю, – хрипящие от усталости массы – под дулами винтовок – к счастливой жизни, которой никто, кроме нас, не видит» [там же, с. 189]. Рубашов – *особый тип человека* – большевика, верного лишь партии, У него нет личной жизни, не развита сфера чувств. Эпизод физической и душевной близости возникает лишь раз в связи с его любовницей Арловой, но он предает ее [там же, с. 145].

Кёстлер пишет и о том, что хорошо знает – об антифашистском движении в Европе и в двух эпизодах – в нацистской Германии и в Бельгии раскрывает его трагедию, разоблачая сталинскую политику поддержки нацизма в Германии. И хотя его герой капитулирует из-за сомнения: «А что, если Первый все-таки прав? Что, если здесь, в кровавой грязи, во лжи и насилии, закладывается фундамент великого счастья всего человечества?» [там же, с. 156] (тут очевиден мотив полемики с Достоевским), сам Кёстлер в эссе «Советский миф и реальность» признал, что сталинский режим не имеет ничего общего с социализмом, как его видят западные интеллектуалы [Koestler, p.133]. И в романе, и в послесловии к нему писатель обозначил глубинное подобие сталинской и гитлеровской диктатур [Кестлер, с. 303].

* * *

«Эстафету» у Кёстлера «подхватил» Оруэлл. Его антисталинизм сформировался во время Гражданской войны в Испании, где с конца 1936 г. он воевал в отряде Рабочей партии марксистского единства – ПОУМ, которую в июне 1937 г. по указанию Сталина из-за ее антисталинской направленности объявили «троцкистской» и даже

«профашистской», хотя троцкистов в ней не было. И пока 29-я дивизия ПОУМ сражалась против Франко на Арагонском фронте, в Барселоне, центре ПОУМ, прошла операция по уничтожению партии. Оруэлл наблюдал движение Республики к поражению не только из-за военного превосходства Франко, поддерживаемого Гитлером и Муссолини, но и из-за деятельности агентов НКВД, натравливавших республиканцев друг на друга и расправлявшихся с теми, у кого были независимые взгляды. Оруэлл описал это в документальной повести «Памяти Каталонии» (1938) и очерке «Вспоминая войну в Испании» (1943, полностью 1953). Он разоблачил двуличие Сталина, не одобрявшего народную революцию в Испании и уничтожившего ПОУМ. К 1940-м годам СССР для Оруэлла диктатура, основанная на культе личности Сталина и терроре, враждебная демократическому социализму, в который писатель верил до конца дней своих.

Продолжив традицию Свифта, Оруэлл изобразил пролетарскую революцию в России и ее последствия в аллегорической повести «Скотный двор» (1945), где аллегория легко «разгадывается». В повести изображена история животных, изгнавших с фермы «Усадьба» ее владельца мистера Джонса и прошедших путь от восстания и свободы к диктатуре кабана по кличке Наполеон. Оруэлл показал переход от идей всеобщего равенства и построения утопии к диктатуре и тоталитаризму, где переиначиваются заповеди Восстания, и вместо лозунга: «Все животные равны» появляется: «Все животные равны, но некоторые равнее других...» [Orwell 1965, p.114].

А в 1949 г. писатель опубликовал знаменитую масштабную антиутопию, или дистопию, «1984». В ней много переключек с романом Кестлера и аллюзий на СССР. В Лондоне, главном городе Взлетной

полосы, третьей по населению провинции сверхдержавы Океания, везде развешаны портреты Старшего Брата – человека лет сорока пяти, с густыми черными усами, и «куда бы ты ни встал, его глаза тебя не отпускали» [Orwell 1964, p. 5. Здесь и далее перевод В. Голышева]. Голос на телеэкране говорит о выплавке чугуна, о перевыполнении девятого трехлетнего плана – в духе передач, характерных для советского радио и телевидения. Из сталинского времени мотив бежавшего из страны врага народа – Эммануила Голдстейна (параллель с Троцким), мотив чисток – в связи с родителями героя [Ibid, p. 38], идея «распыления» человека – уничтожения его не только физически, но и памяти о нем. Из сталинского – и шире советского времени – мотив дефицита продуктов и необходимых товаров, а те, что доступны – низкого качества; отсюда же – идея убогой пуританской жизни и крайняя не эстетичность среды – все тусклое, обшарпанное, грязное. «Не будет иной верности, кроме партийной» – мотив, намеченный у Кёстлера, здесь постоянен: «К каждому человеку круглые сутки приставлен осведомитель – его близкий» [Ibid, p. 109–110]. На узников в «министерстве любви» воздействуют так же, как в НКВД – изматывание бессонницей, допросами, избиение, яркий свет в глаза. Знакома и социальная иерархия: партийцы «внутреннего круга» живут иначе, чем партийцы «внешнего круга» (обычные члены партии) и пролы (пролетариат). Оруэлл видит главную опасность тоталитарного государства в самоценности и иррациональности власти в нем. Для человека нет иного выхода, как сдаться: сдается и Рубашов, и герой Оруэлла – Уинстон Смит, смерть неизбежна – жить в этом мире невозможно.

Кёстлер и Оруэлл предварили будущие историографические исследования и художественные произведения о Сталине.

* * *

Последовательное, получившее общественный резонанс изучение Сталина и его времени в Великобритании и США, то есть в «англосфере», началось, пожалуй, с Роберта Конквеста (1917–2015), известного как поэт и историк. Широкую известность принесла ему книга «Большой террор: сталинские чистки 30-х» (1968). Он не первый написал о сталинском терроре, но сделал это убедительно, ярко [Homberger] – за четыре года до первого тома «Архипелага ГУЛага». В основе книги – официальные протоколы московских процессов, материалы советских переписей населения, рассказы и книги эмигрантов, перебежчиков, «фабрика слухов». Конквест доказал, что мишенью репрессий были не только политические противники Сталина, как долго считали на Западе, «московские процессы» – верхушка айсберга, террор – суть режима, погубившего 20 миллионов [Conquest, 1990]. Позднее советские архивы подтвердили факты, приведенные Конквестом.

Он оспорил близкое многим «левым» на Западе мнение Хрущева: Сталин и репрессии противоречили ленинским нормам. Для Конквеста сталинизм – закономерное продолжение ленинской системы. Любитель сатирико-юмористической поэзии, он выразил свою позицию в лимерике (пятистишии абсурдистского содержания):

Был великий марксист Ленин,
Он угробил два или три миллиона людей.
Много угробил.
Но там, где он угробил миллион,

Великий марксист Сталин угробил десять (Цит. по: Brown).

Из последовавших трудов Конквеста наиболее широкий резонанс имела книга «Жатва скорби: Советская коллективизация и голодомор» (1986) – о том, как крестьяне расплатились за индустриализацию. Спровоцированный политикой Сталина голодомор Конквест считал таким же террором, как и массовые расстрелы: между 1929 и 1933 годами от голода умерли 11 миллионов, и еще 3,5 миллиона умерли в лагерях[Conquest 1986].

В книге Конквеста «Сталин, губитель народов» (Conquest 1991) вождь предстает «глиняным колоссом», автором «большой лжи», «жестоким экспериментатором»; масштаб разорения им страны контрастирует, на взгляд Конквеста, с его интеллектуальным и нравственным ничтожеством, но он более, чем любой другой политический деятель, определил ход XX в. Это и привлекает к нему внимание писателей, историков, литературоведов.

* * *

Для Мартина Эмиса (р.1949), одного из самых видных современных английских писателей, Сталин после книг Конквеста, друга своего отца – писателя Кингсли Эмиса, перестал быть загадкой. В названии книги Эмиса «Коба Грозный: смех и двадцать миллионов» (2002) контаминируется прозвище любимого царя Сталина и его революционный псевдоним, заимствованный из повести Александра Казбеги «Отцеубийца» (1882), где Коба – абрек, переживший врагов и друзей. В «Кобе...», исторической хронике и автобиографическом эссе, Эмис, западный интеллектуал, пытается понять ад сталинизма, «примерить» его на себя. Книга содержит «свод» советских ужасов: мясорубка Гражданской войны, голод 1922 г., «война» против

крестьян, чистки 1937–1938 гг., ГУЛаг, послевоенные преследования евреев. М. Эмис считает Сталина фатальным неудачником. В коллективизации он видит самый большой провал в советской истории: «Сталин разрушил село до скончания века» [Amis 2002, p. 121], а быстрая индустриализация провалилась. «Так, Беломоро-Балтийский канал, построенный [...] сотнями тысяч заключенных, не мог обслуживать многотонные суда» [Amis 2002, p. 146]; в городах не хватало предметов первой необходимости. «86,5% населения страны были бедны» [Ibid, p. 49]. Не обезглавь Сталин советскую армию, не «поверь» он Гитлеру, «Россия победила бы Германию за несколько недель, что спасло бы жизни [...] 40 миллионам, а также многим жертвам Холокоста» [Ibid, p. 207]. Сталин и его «счастливая» реальность были поддельные, фейковые, вне здравого смысла [Ibid, p. 9], хотя на митингах люди говорили о своей хорошей жизни и даже верили в это. Двоемирие – особенность сталинской системы [Ibid, p. 152 – 153]. Эмиса поражает разное отношение на Западе к нацизму и большевизму, оправдываемому благородством идей Ленина и Троцкого, хотя Сталин шел по тропе жестокости, проложенной ими [Ibid, p. 250].

Критика увидела в сочетании слова «смех» с гибелью 20 миллионов людей оскорбление их памяти, постмодернистскую конструкцию. Но, по мнению Эмиса, сталинизм вызывает мрачный смех, порожденный абсурдом и отчаянием; история России между 1917 и 1953 гг. – «черный фарс» [Ibid, p. 267]. Сталин был везде: пик Сталина, Сталинград, шесть городов и поселков Сталино, Сталинск, Сталинабад, Сталиногорск, поселок Сталинский, Сталинский залив. В «Кратком курсе истории ВКП(б)» Сталин находил решение всех

проблем [Ibid, p. 240]. Фарсом были выборы депутатов с одним кандидатом в бюллетене и экономическая ситуация в стране [Ibid, p. 191].

Страдания миллионов людей сталинского времени переплелись с переживаниями писателя по поводу смерти отца в 1995 г., а через четыре года младшей сестры. И именно смерть сестры, конкретного человека, дала Эмису импульс к созданию книги о двадцати миллионах, он ощущает каждого из них как человека, имевшего сестер, братьев, родителей... Сталин сделал смерть человека анонимной. Он как-то заметил: смерть одного человека – трагедия, смерть миллионов – статистика. «Вторая половина афоризма, на взгляд Эмиса, ложна: миллион смертей – это миллион трагедий» [Amis 2002, p. 277], а также травма для близких человека: чтобы понять масштаб трагедии, двадцать миллионов надо умножить несколько раз.

Тема не отпускала Эмиса, и он написал роман «Дом свиданий» (2006) – о трагедии сталинизма в жизни конкретных, хоть и вымышленных, людей. Это не лучший из его романов; тому, кто читал, скажем, Варлама Шаламова, роман покажется несколько искусственным, персонажи и диалоги порой неестественны, но он перекликается с «Кобой»: сталинский режим ломает жизнь людей, прошедших ГУЛаг, и жизнь их близких [Amis, 2006].

* * *

«Час» историков наступил с открытием российских архивов с 1989 года. Прежде Сталин, скрывавший свою биографию и убравший неудобных свидетелей, был, как правило, непостижим, образ его мифологизировался. В нем видели вождя народа, одержавшего победу над Гитлером, для многих «левых» он был полубогом. Вместе с тем

благодаря Л. Троцкому в британской историографии закрепился образ малообразованного Сталина, «пропустившего революцию», интригана, опередившего блестящих революционеров. После 1989 г. возник более сбалансированный портрет Сталина, в частности, в биографии (2004), написанной профессором Оксфордского университета Робертом Сервисом (р. 1947). Он представил Сталина как политика, сына, поэта, мужа, отца и опроверг мнение об его второстепенной роли в революции: в 1917 г. тот был в центре событий в Петрограде и играл важную, хоть и неброскую, роль. Но и по Сервису, Сталин унаследовал идею государства как орудия террора против народа от Ленина.

Как Конквест и Эмис, Р. Сервис признает роковые просчеты Сталина, чуть не погубившие страну в 1941 г., его полководческую некомпетентность, хотя он слушал профессионалов-военных – Жукова и др. и умело вел переговоры с Черчиллем и Рузвельтом. Но в целом его роль в победе была умеренной: главная роль принадлежала военным стратегам и народу.

Сталин, в отличие от европейского по своему типу, «кабинетного ученого» Ленина, возможно, слишком необычный, иррациональный персонаж для Сервиса, который создал сложный, не одномерный портрет. Он называет Сталина «интеллектуалом» [Service, p. 92], ибо тот много читал и занимался партийной журналистикой, а его популяризаторские работы оценивает выше работ Ленина. Сервис пытается соблюсти равновесие между Сталиным, несчастным человеком, ощущавшим, что все против него, и чудовищем, угробившим свой народ, но весы склоняются к чудовищу, развращенному абсолютной властью. Порой исследователь непоследователен. Так, он заявляет, что «Сталин не страдал психозом»

[Service, p. 343], но замечает: тот бывал подвержен «серьезным личностным расстройствам», «не владел собою» [Ibid], был «глубоко разбалансированной личностью» [Ibid, p. 344], «психически одержимым» [Ibid, p. 379]. В конце книги Сервис признает, что чудовище в потертой одежде и изношенных сапогах, умиравшее в одиночестве на даче, остается для него загадкой.

* * *

Исследователи ищут ключи к Сталину в его грузинском прошлом. Автор книг «Жизнь Антона Чехова» (1997), «Край империи: История Грузии» (2012), знаток грузинского языка и культуры Дональд Рейфилд (р. 1942) в книге «Сталин и его подручные» (2004) придает важное значение болезням и травмам Сталина в детстве: в 1884 г. он переболел оспой и получил прозвище Чопура (Рябой), а вскоре попал под карету: от заражения крови у него чуть не отсохла левая рука. Болезни, физические и душевные, не объясняют, почему позднее Сталин истреблял целые классы и сословия, но помогают понять его раздражительность и «внезапные бешеные приступы гнева» [Rayfield, p. 47]. Из грузинского наследия Сталин, на взгляд Д. Рейфилда, черпал чувство превосходства над людьми: он разделял мнение грузинских просветителей о мессианском назначении Грузии и считал себя представителем избранного народа [Ibid, p.14]. История средневековой Грузии подсказала ему тактику захвата и сохранения власти. Грузинские цари ставили интересы государства превыше всего и губили душу (Давид Строитель, Теймураз I), чтобы спасти царство. В убеждении, что человек пресмыкается в грязи, таится «самое ядовитое в безбожном и одновременно религиозном мировоззрении Сталина» [Ibid, p. 16–17]: потеряв веру в Бога, Сталин сохранил кальвинистские

взгляды на грех, грехопадение, благодать и проклятие [Ibid, p. 20]. Его одержимость литературой, писателями, учеными, его завистливое честолюбие в этих областях зеркально отражает характер таких грузинских царей, как Теймураз [Ibid, p. 17]. В юности он «опубликовал на грузинском шесть стихотворений [...]. Психиатры разных школ поразились бы обилию в них символов депрессии и болезненной мнительности» [Ibid, p. 18]. Излюбленные глаголы молодого поэта, выявляют его склонность к насилию: «вешать, разить, схватить» [Ibid].

В книге, представляющей собой нечто среднее между научным исследованием и публицистикой, Д. Рейфилд пишет о Сталине как поначалу о наименее известном лидере революции, который – без поддержки председателя ЧК Дзержинского вряд ли пришел бы к власти [Ibid, p. 56]. Привязанность Дзержинского к Сталину Д. Рейфилд объясняет его паническим страхом, что без Сталина партия распадется [Ibid, p.94]. Не без иронии Рейфилд замечает, что Сталин был гениальным «начальником кадровой службы»: он умел подбирать нужных людей (Вячеслав Менжинский, Генрих Ягода, Николай Ежов) [Ibid, p. 124].

Д. Рейфилд также перечисляет провалы Сталина. Как горе-стратег он проявил себя еще в 1920 г.: обещал Ленину победу над поляками, но слава досталась Пилсудскому, а позор – ему, и через двадцать лет за его промахи поплатились жизнью 22 тысячи пленных польских офицеров в Катыни [Ibid, p. 88]. В 1937 г. Сталин избавил страну от ее лучших генералов (Тухачевский, Блюхер, Якир, Уборевич и др.): армия казалась ему силой, способной свергнуть его [Ibid, p. 313]. Сталин разгромил Коминтерн, объявив его рассадником троцкизма и

космополитизма, и бросил иностранных «коммунистов на растерзание ежовским волкам» [Ibid, p. 316 – 317].

Д. Рейфилд пишет и о попытке «социальной инженерии» при Сталине – создании человека нового типа – советского человека [Rayfield, p. 262], любящего Сталина больше своей семьи. Последние семь лет правления вождя ученый характеризует как атеросклероз в буквальном и переносном смысле. Паралич мысли и инициативы, в конце концов, разваливший Советский Союз, вытекал из сталинских методов [Ibid, p. 413– 414].

* * *

Саймон Себаг Монтефиоре (р.1965) – особое явление в британской сталиниане: в нем историк сочетается с писателем; он беллетризует биографию Сталина.

В книге «Сталин: Двор красного монарха» [Sebag Montefiore, 2003, рус.перевод 2005], хронике жизни уже достигшего власти вождя – до его смерти в марте 1953 г., Монтефиоре движет желание раскрыть характер Сталина, который мог подписать смертный приговор тысячам невинных людей, а потом пойти в личный кинозал и смотреть вестерны. В самоубийстве второй жены Сталина Надежды Аллилуевой 9 ноября 1932 г. Монтефиори видит событие, оборвавшее ближайшую и, возможно, последнюю его человеческую связь: до этого у него была любящая семья, несмотря на ранимость, истеричность Нади, возможно, страдавшей шизофренией, после – он стал подозрительней и мстительнее. Жизнь при его «дворе» Монтефиоре рисует как «театр ужасов», вождь был непредсказуем и иррационален, его окружение жило в постоянном страхе и напряжении.

Однако Сталин Монтефиоре не лишен обаяния, чувства юмора, он хорошо поет, любит книги, кино и вместе с тем это одинокий ипохондрик, одержимый своей ролью в истории, он страдает хроническим тонзиллитом, псориазом, ревматизмом, паранойей, губит все свои любовные и дружеские отношения, считает смерть решением любой проблемы. В результате сталинских репрессий «20 миллионов убито, 28 миллионов депортировано, из них 18 миллионов рабски трудились в ГУЛаге» [Ibid, p. 643].

В книге «Молодой Сталин» (2007, рус. перевод 2014) Монтефиоре заполнил пробелы, раскрыв, как Сталин стал Сталиным. Он, как и Д. Рейфилд, представил Сталина кавказцем, способным очаровать кого угодно [Sebag Montefiore 2008, p.8]. Семья Иосифа (Сосо) была бедной, неблагополучной – родители разошлись в начале 1890 г., Виссарион Джугашвили (по слухам он не был его отцом) из преуспевающего сапожника превратился в алкоголика. Обожаемый матерью, умный, высокомерный Сосо считал, что всегда прав. Ему было чуждо сочувствие, душевная близость, нравственность [Ibid, p. 79]. В приоритете партии над семьей и самой жизнью, в жестокости, клановом сознании Сталина Монтефиоре видит следствие конспирации революционеров и кавказских ценностей [Ibid, p. XXX]. В Тифлисской семинарии, где Иосиф стал марксистом-атеистом, он научился «слежке, издевательствам» [Ibid, p. 73]. Его исключили из нее просто потому, что подняли плату за обучение, и он не смог платить.

Монтефиоре пишет о том, как Сталин, будучи вожаком революционеров на Кавказе, кроме агитации среди рабочих, занимался поджогами, рэкетом, похищением людей, шантажом нефтяных баронов, грабежом банков; с 1906 г. в течение трех лет он секретно был

«главным финансистом» тайного Большевицкого центра, созданного Лениным [Ibid, p. 1n, 1, 137, 167–168]. С ограбления Тифлисского банка в 1907 г. и начался, на взгляд Монтефиоре, Сталин: он проявил себя как безжалостный человек действия, «именно такой» и был нужен Ленину [Ibid, p. 14]. Ленин и Сталин «происходили из разных миров – у одного были манеры дворянина, у другого – крестьянина, но мыслили они сходно [Ibid, p. 229–230]. Сталина не было бы, если б Ленин не победил в споре с Каменевым (тот настаивал на включении меньшевиков и эсеров в правительство) и не создал механизм для безграничной власти [Ibid, p.370]. Ее получил «человек, сочетавший привычку к насилию и идейность – бандит и убежденный марксист», «интеллектуал и убийца», веривший в необходимость беспощадной власти для претворения утопии в жизнь [Ibid, p. 370 – 371, XXVIII]. Но для «отца народов» у него было слишком много преступлений и слишком много грузинского для российского лидера. Ради «правильной» биографии одна правда выдумывалась, «другая искажалась или скрывалась» [Ibid, p. XXIX].

Монтефиоре приводит важную для будущего деталь: планируя грабежи, Сталин использовал оловянных солдатиков и в результате стал считать себя «“человеком военным”, настоящим верховным главнокомандующим», о чем писала его дочь Светлана [Ibid, p.159–160].

Написанные живо, как роман – с прямой речью из мемуаров, документов, остросюжетные, книги Монтефиоре стали бестселлерами. Литература документа (nonfiction) становится интереснее литературы вымысла (fiction). Но Монтефиоре, как и Эмису, стало тесно в рамках жанра документа. И в романах – «Сашенька» (2008) и «Одна зимняя

ночь» (2013) он показал «ужас в пригоршне праха» – повседневную жизнь СССР при Сталине, вторжение тоталитарного государства в сферу любви и семьи.

В центре «Сашеньки» – остросюжетного романа, семейной саги – образ женщины, большевички еще до революции, а в советское время – «образцовой советской женщины», принадлежащей к сталинскую элите. Сталин ценит ее. Но на «дворе» 1939 год и «шаг в сторону» – любовь к писателю, который был в Испании и ощущает себя свободным в несвободном мире, открывающая героине мир любви и *других* людей – приводит ее к катастрофе. Об ее романе в результате слезки, инициированной мужем Сашеньки, узнает Берия, через него – Сталин, он видит в ней развратницу, нарушившую «код советской женщины», и, вероятно, выдавшую важные «секреты» – ведь она жена одного из главных чекистов страны. Перед тем, как Сашенька исчезает в утробе сталинского террора, она прозревает и сознает, что чудесная советская жизнь – миф.

Второй роман Монтефиоре «Одна ночь зимы» – триллер, политическая драма, роман о любви. Описанное в нем «дело детей» действительно существовало. И в этом романе любовь, дающая персонажам внутреннюю свободу, обречена. Центральный персонаж Сталин – пронцательный садист, понимающий, что нет более мощного средства для манипулирования людьми, чем угроза их детям; его режим разлагает все, к чему прикасается.

* * *

Британская сталиниана адресована, прежде всего, западному читателю. Р. Конквест привлек «внимание западной общественности к преступлениям Сталина больше, чем любой другой историк»

[Whipple]. Россия не остров, а часть Европы, отсюда обеспокоенность, равнодушие к тому, что в ней произошло и происходит. М. Эмиса возмущает то, что на Западе знают об Освенциме, о Гиммлере, но не о Воркуте и Соловках, не о Дзержинском и Ежове. Его, как и Р. Конквеста, раздражает неспособность западных интеллектуалов избавиться от прокоммунистических иллюзий и отнестись к сталинизму с ужасом и отвращением, как к нацизму. Д. Рейфилда равнодушие Европы и Америки к трагедии русского крестьянства в 1930-е наводит на мысль, что, они, как Ленин, Сталин и Менжинский, считали его низшей расой. Преодолев экономическую депрессию 1929 г. частично благодаря советским заказам, оплаченным кровью миллионов крестьян, Запад молчал, Рейфилд считает это позором западной цивилизации [Rayfield, p. 184]. И все сознают: пока Россия не избавится от «сталинского наследия», она будет духовно больной, населенной призраками Сталина и его подручных и под тенью кошмара их воскресения [Rayfield, p. 458].

Россия привлекает и захватывает британских историков как страна, в отличие от Британии, нерегламентированная, в которой может произойти, что угодно, а предельные ситуации, борьба за выживание, за достоинство – своего рода норма. Но несмотря на высокий профессионализм, они не могут преодолеть культурно-цивилизационные барьеры, отделяющие их от России. Отсюда у Р. Конквеста – взгляд на русских как «марсиан», в книге Р. Сервиса – некоторая «непереваренность» чуждого материала, тяжеловесность, противоречивость; у Мартина Эмиса – фальшивые ноты в попытке вжиться в чужую боль; у Себага Монтефиоре, заметившего: «Мне нравится яркость, мелодрама, кровавый театр русской истории» [Grice]

– взгляд на жизнь при Сталине как на триллер с элементами «голливудского лоска». Британских исследователей изумляют люди другой культурно-цивилизационной среды: почему Сталин, опиравшийся на группу циников и моральных уродов, не столкнулся с сопротивлением? Но тут же находится ответ: «В Советском Союзе [...] тот, кто отказывался участвовать в охоте на реальных или мнимых врагов [...] становился таким же врагом и подлежал уничтожению [Rayfield, p. XX]. Однако Монтефиоре находит трещины в монолите тоталитаризма: в романе «Сашенька», хоть и трагически, человек выстаивает.

В процессе взаимодействия культур возникают неожиданные повороты. Так, Сервис и Монтефиоре называют Сталина интеллектуалом. По Вебстеровскому словарю основное значение этого слова – человек, «занимающийся исследованиями и интенсивной умственной деятельностью, требующей творческого использования интеллекта» [Webster, p. 440]. В XX в. западное «интеллектуал» и русское «интеллигент» накладываются друг на друга, т.е. в понятие интеллектуал привносится *позитивное нравственно-этическое качество*. Ленин в разговоре со своей сестрой Марией признал: «Сталин “не интеллигент”» [Service, p. 191]. А Эмис ссылается на рассказ югославского политика Милована Джиласа о просмотре фильма в Кремле: «Сталин во время показа комментировал фильм как необразованные люди, принимающие художественную реальность за подлинную» [Amis 2002, p. 171] – он был примитивен, эстетическое чувство у него было не развито. Духовная семинария – это все-таки не университет. Еще Уэллс отметил узкий идеологический кругозор

Сталина. По типу личности он ближе к простонародному тирану из повести Г. Гарсиа Маркеса «Осень патриарха».

Был ли Сталин великим? По мнению британского философа Исаяи Берлина великий человек тот, кто «меняет ход каким-то доскональным образом», и Сталин – «великий человек. Переменил историю России» [Найман, с. 295]. Но ход истории изменили и Гитлер, и менее масштабная личность Гаврило Принцип, убивший эрцгерцога Франца Фердинанда и инициировавший Первую мировую войну, но были ли они великими?

По словам Монтефиоре, Сталин, на чьей совести гибель от 20 до 25 миллионов человек, считал себя гением политики, военного дела, науки и литературы, народным монархом, красным царем. До самой смерти он был «параноидальным мегаломаньяком, приносившим людям несчастье в масштабах, сопоставимых только с гитлеровской Германией [Sebag Montefiore 2008, p. 393–394]. В молодости он невольно описал себя: «В августе 1905 года в мало известной, но поразительно пророческой статье для грузинской нелегальной газеты “Пролетариатис брдзола” [«Борьба пролетариата»] 27-летний Сосо высмеивал [...] потерявшего здравый смысл мегаломаньяка: “Взору представляется герой Гоголя, в помрачении сознания вообразивший себя королем Испании. Такова судьба страдающих манией величия» [Ibid, p. 394].

Кестлер А. Слепящая тьма. Перевод А. Кистяковского. М.: Новая газета, 2011.

Майский И.М. Из воспоминаний о Бернарде Шоу и Герберте Уэллсе М.: Правда, 1973.

Найман А.Г. Сэр. М.: ЭКСМО, 2002.

Amis M. Koba the Dread: Laughter and the Twenty Million. N.Y.: Vintage, 2002.

Amis M. House of Meetings. London: Jonathan Cape, 2006.

Brown A. Scourge and poet, a profile of Robert Conquest//Guardian, Saturday 15 February 2003. URL: <http://www.theguardian.com>Arts>Books>Poetry> (accessed: 31.05.2017)

Conquest R. The Harvest of Sorrow: Soviet Collectivization and Terror-Famine, N.Y.: Oxford Univ.press, 1986.

Conquest R. The Great Terror: A Reassessment. Oxford: Univ. Press, 1990.

Conquest R. STALIN: Breaker of Nations. London: Weidenfeld and Nicolson, 1991.

Conrad P. From Oddball Osip to an Ogre // The Guardian. 13 May 2007. URL:<https://www.theguardian.com>Arts>Books>Biography> (accessed: 5.03.2017).

Geduld H.M. Bernard Shaw and Adolf Hitler // The Shaw Review. The Penn State Univ.Press, 1961. Vol. 4, No 1. P. 11–20.

Grice E. «I used to be the most shambolic person...» Simon Sebag Montefiore// Telegraph. L., 13 April 2017. URL: <https://www.telegraph.co.uk>News>Features> (accessed: 16.03.2017)

Homberger E. Historian and poet who exposed the full extent of Stalin's terror during the Soviet era. Robert Conquest obituary // The Guardian. 2015. August 5. URL: <https://www.theguardian.com>Arts>Books>History> (accessed: 31.05.2017).

Jones G. Famine in Russia. Englishman's Story. What He Saw on a Walking Tour// Manchester Guardian. 1933. March 30. P. 12.

Koestler A. The Yogi and the commissar. L.: Jonathan Cape, 1945.

Martin K. Editor: A Second Volume of Autobiography. L.: Hutchinson, 1968.

Muggeridge M. Winter in Moscow. L.: Eyre and Spottiswood, 1934.

Orwell G. Animal Farm. Harmondsworth: Penguin Books, 1965.

Orwell G. Nineteen Eighty Four. Harmondsworth: Penguin Books, 1964.

Rayfield D. Stalin and his Hangmen. An Authoritative Portrait of a Tyrant and Those Who Serve Him. London: Penguin Group, 2005.

Reddaway P., Cohen S. Orlando Figes and Stalin's Victims // The Nation. N.Y., 2012. June 11. URL: <https://www.thenation.com/.../orlando-figes-and-stalins-victims> (accessed 31.05.2017). КОЭН С., РЕДДАУЭЙ П. Пороча жертв Сталина // Новая газета 04.06.2012. URL: <https://www.novayagazeta.ru/society/52935.html> (дата обращения 31.05.2017)

Sebag Montefiore S. Stalin: The Court of the Red Tsar. London: Weidenfeld & Nicholson, 2003.

Sebag Montefiore S. Young Stalin. Toronto: McArthur, 2008.

Sebag Montefiore S. Sashenka. N.Y.: Simon & Schuster, 2008.

Sebag Montefiore S. One Night in Winter. L.: Century, 2013.

Service R. Stalin. A Biography. Harvard: UP, 2005.

Shaw G.B. a.o. Letters to the Editor: Social Conditions in Russia // The Manchester Guardian, 2 March 1933. URL: https://www.garethjones.org/soviet_articles/bernard_shaw.htm (accessed: 31.05.2017)

Stalin – Wells Talk: The Verbatim record and a discussion by G.B. Shaw, H.G. Wells, J.M. Keynes, Ernst Toller and others. L.: New Statesman and Nation, 1934.

Webster's Seventh New Collegiate Dictionary. Springfield (Mass.): Merriam Co., 1967.

Weintraub S. GBS and the despots // Times Literary Supplement. 22 August 2011. URL: <http://www.the-tls.co.uk/.../george-bernard-shaw-and-the-despots/> (accessed 31.05.2017)

Wells H.G. Experiment in Autobiography. Discoveries and Conclusions of a Very Ordinary Brain. N.Y.: Macmillan, 1934.

Whipple T. Robert Conquest, the man who had the measure of Stalin, dies aged 98 //The Times. August 5 2015. URL: <https://www.thetimes.co.uk/tto/news/uk/article4517379.ece> Accessed: 31.05 2016